

ОСТРОВ МЕЧТАТЕЛЕЙ

ИЗ САХАЛИНСКОГО ДНЕВНИКА

ЗАВТРА И ВЧЕРА

«...Как будто у города нет сегодня —

Есть только «завтра» и «вчера», —

писал много лет назад Владимир Маяковский о Свердловске. В наши дни эти слова как нельзя более точно характеризуют Южно-Сахалинск. Этот город кажется олицетворенной диалектикой. Он весь в движении, в развитии. Вот руки строительных кранов склонились над новыми шлакобетонными корпусами. Завтра эти корпуса станут комплексом жилых домов. А рядом карапают глаз дома с выслепленным на стене мерлографом. Вчера это считалось архитектурой.

Беда, конечно, не в иероглифах. Великая империя, сорок лет хозяйничавшая на Южном Сахалине, оставила небообразимое количество лагуч, картонных домиков, которые качаются от ветра. Их спосат кварталами, расщипая место новым многоэтажным домам. Поэтому пока трудно с жильем, поэтому многие учреждения иются бог знает как. Даже областной Театр имени А. П. Чехова, в прошлом году завоевавший первенство среди драматических театров Дальнего Востока, не имеет пока приличного помещения.

В старых японских архивах, говорят, найдено прошение на имя императора: надо-же строить на Сахалине более надежные здания по причине суеверности зим. Император наложил резкую резолюцию: «Япония есть Япония». И опять строили «фаршированные» домики. Их солидные фасады в европейском стиле, с колоннами производят внушительное впечатление гранита и железобетона. Но я обольщаться: «гранит» — тошдиной в палец, под ним — труха. От первой искры «железобетонный гигант» со всеми своими колоннами вспыхивает, как спичечный коробок.

Всего лишь несколько пригидных зданий построили здесь за сорок лет японски. Одно из них — здание музея.

В музее поражают две вещи. Во-первых, коллекция предметов из срапальной культуры айвов, аборигенов Южного Сахалина. Эту маленькую народность японцы сначала потеснили на север, на Сахалин и Курилы, а в начале нашего века совершенно погодили, ассимилировали. Айвов больше нет. Только висят в музее фотографии борзатых людей, хранящиеся одежде из волокон крапины, которую они носили, сосуды, из которых они ели, оружие, которым они не смогли защитить свою независимость...

Исчезновение целого народа — не когда-то, в варварские времена, а в двадцатом, цивилизованном веке — вызывает странное чувство. Невольно напрашивается сопоставление: никих — такая же маленькая народность, обитающая на том же острове, только в северной его части. Ведь никих не погнали, наоборот, «объединенные в колхозы или работа на социалистических предприятиях, навсегда избавились от голода — их неизбавного спутника в досоветское время. Они полюбили машины, стали заниматься земледелием. Неограниченные возможности открылись для их духовного роста... Никих учатся в школах и институте, из их среды выходят учителя, врачи, ученые и писатели. И это уже никого не удивляет.

Эти слова молодого вихского писателя Владимира Свиги.

Его собственная судьба — яркая иллюстрация тому, что он пишет о своем народе.

КОНЦЕРТ С «НАГРУЗКОЙ» И ПЛАН С «УТРУСКОЙ»

Это чисто сахалинские явления. Впрочем, не исключено, что они встречаются и кое-где на материке.

В Аннве я познакомился с двумя замечательными ребятами и хорошими певцами — солистами Южно-Сахалинской филармонии Борисом Поповым и Федором Тараном.

На Сахалине сейчас очень много мелких специалистов во всех областях производства и культуры. Вот и эти двое — воспитанники Кишиневской консерватории.

Они обзвонили почти весь Сахалин и Курилы, завоевали многие отдаленные районы, куда до сих пор музыкальная пропаганда проникала слабо. Именно завоевали! Как некогда русские мореплаватели «проевдывали» новые земли на берегах Тихого океана, так сегодня идет культурное завоевание «неведомых земель». И те, кто решился покинуть солнечный юг ради Сахалина, оказались в первых рядах, этого замечательного похода вопреки всем тяготам, неудобствам и опасностям дальневосточных путешествий. Уж на что Федор Таран — бывший моряк-черноморец, но и его ознажила, когда судно настигла «цудунами», указал наш Тихий океан...

Однако куда больше, чем «цудунами», больше, чем штормы и тайфуны, молодых артистов беспокоит другое, не всегда глазоко проглядывает их лекционконцерты. Точнее, против концерта публики никогда не возражает. А вот лекция... Это слово нередко отпугивает уже на афишах. В чем тут дело?

Все стало понятно, когда вечером я пришел в Аннвский дом культуры. Борис Попов вышел на сцену и с очень серьезным лицом объявил: начало не просто концерта, а концерт-лекция о советской песне. «Но...» — быстро добавил он, — не пугайтесь: я не слишком долго залержу ваше внимание».

Видимо, неоднократный опыт подсказывал, что лекцию надо ковать как можно скорее. Отлично отработанный скорогворкой Борис рассказал о возникновении трудовых и бражных песни в эпоху первообитывающего строя. Через пять минут перешел к русским народным песням, через десять — к песням Великой Отечественной войны, а через пятнадцать — лекция была закончена.

Потом начался концерт. Пианистка И. Болотина и скрипка Н. Степанов почему-то играли пьесы русских классических и зарубежных авторов. Сам Попов почему-то исполнил неолитанские песни. Публика аплодировала, очень довольная, что «лекция» так быстро пролетела мимо ушей и не успела испортить приятное впечатление от вечера...

Дело, конечно же, совсем не в том, что популярная форма лекционконцерта «противопоказана» в сахалинских условиях. Та же аудитория Аннвского дома культуры наверняка с удовольствием послушала бы интересный рассказ о музыке. Нужно только, чтобы лекция не служила формальным доведением к программе, а была органично связана с каждым произведением, звучащим в концерте. В самом деле, стоило ли разговор о советской песне начинать с доисторических времен и иллюстрировать его

итальянскими канцонеттами? Не удивительно, что такая лекция разочаровывает слушателей.

Вернувшись в Южно-Сахалинск, я сказал об этом Ниле Михайловну Рукину, директору филармонии. Он согласился, что музыкальный лекторский организмов «несколько неудачал». А потом он позвонил мне с другим интересным явлением сахалинской музыкальной жизни. Протянув мне план гастрольный на 1962 год, составленный ВГКО, он коротко сказал:

— Мы этому плану не верим. — Почему?

Тогда Рукин показал прошлогодний план, 67 гастрольных бригад, согласно этому плану, должны были выступить на Сахалине. Но за год произошли некоторые перестановки (в дорожке аналогичное явление называется «утруской»), и приезд гостей сократился на много ни мало на 22 бригады! Так и не встретились сахалинцы с коллективом Сибирского и Уральского народных хоров, с И. Ойстрахом, М. Лубочником. Против их фамилий стоит лаконичная надпись: «Отменены ВГКО». Почему отменены? Объяснение яниках.

Зато Сахалин не преминули проведать эстрадная группа «Блуждние вечера», молодежный ансамбль Северо-Осетинской филармонии, Ленинградский ансамбль комедии Ленинградская группа Ленинградской эстрады «Бизис»: после их концертов в филармонии не прекращались телефонные звонки: «Когда, наконец, это прекратится?».

Если же внимательно вчитаться в план, нетрудно убедиться, что он с самого начала был составлен с расчетом на «утруску». Судите сами: 2 мая прошлого года на Сахалине должен был выступить Р. Соколовский, 9—11 мая — В. Пикалвин, 25 мая — И. Ойстрах. Даже в Москве далеко не каждый месяц можно услышать трех скрипачей подряд. Постыньте райскую жизнь посулоло ВГКО сахалинцам! Но ни одна из трех скрипок так и не прозвучала на Сахалине...

САХАЛИНСКИЕ МЕЧТАТЕЛИ

Одно из самых больших зданий, построенных японцами, — храм в Южно-Сахалинске. Он не отличен интересной архитектурой, зато поражает размерами. Я не знаю, как на самом деле русские впервые ступили под его высокий тульский купол: но, наверное, сразу встал вопрос — как использовать опустевшее жилище бога? Что здесь разместить? И кто-то, должно быть, сказал:

— Планетарий!

Еще не отряхнув пыль с солдатских сапог, победители уже мечтали о звездном небе...

С тех пор на Сахалине все мечтают. Директор филармонии мечтает о молодых музыкантах. Артисты мечтают о новом здании театра. Зрители мечтают о гастрольных московских и ленинградских артистов. В горисполкоме мечтают поскорее снести «фаршированные» домики и построить настоящие дома. Мечтают сахалинцы о своих отдаленных Союзах писателей и Союзах композиторов, о своей опере, и консерватории. Люди мечтают о том, как лучше, удобнее, интереснее жить на этом замечательном острове. И разве подобные мечты не приносят плодов?

Вот рядом с планетарием,

под крышей того же храма, удобно разместился небольшой кинотеатр «Дроника». Здесь можно посмотреть и «Первый рейс к звездам», и фильм Дальневосточной киностудии о сахалинских нефтяниках. Будто бы мелочь: не было кинотеатра, а теперь есть. Но ведь этот небольшой зал — нечто чуждое осуществленной мечте. И вспомните: многие ли города могут похвастать специальным кинотеатром документального фильма?

А напротив — кинотеатре «Комсомолец», в один прекрасный день зрители нашли на своих креслах небольшие листки с надписью «приглашение». Прочитали: «Уважаемые товарищи кинозритель! С января 1962 года в малом зале кинотеатра начинает свою работу постоянно действующий кинолекторий. Каждая лекция будет сопровождаться художественными и хроникально-документальными кинофильмами». Заглянули в приложенную программу лектория — и там мечты: «Сахалин через 20 лет», «Формирование нового человека — человека коммунистического общества».

Все это организовал директор кинотеатра Василий Михайлович Бакуров. Меня заинтересовал этот энергичный человек. Я привык думать, что уж кто-то, а директора зрительских предприятий диалектикой мечтательности. Но Бакурову уже мало кинолекторий. Он мечтает сплотить зрительский актив, а потом создать совет кинотеатра. Вот это-то совет и будет впрямь инициатором всего интересного.

И не пустые это мечты, не беспочвенные. Как не беспочвенны мечты всех других сахалинцев, которые хотят сделать свой остров благоустроенным, изобильным и красивым.

Да, много еще трудностей на Сахалине. Но не хочется говорить «трудно» — хочется сказать «пока трудно». Потому что здесь умеют мечтать о будущем. С тех пор, как снизились пресловутые северные надбавки, на Сахалине почти перевелся тот сорт людшек, что «мечтают» только о длинном рубле. Теперь сюда едут люди иного масштаба. Едут мечтатели, которые собираются здесь жить и работать.

Ученые утверждают, что название острова произошло от южно-мурманского «Сахалин Аюга Густа», что означает «Остров Уста Амура». Может быть, и так. Но, по моему, Сахалин — значит Остров мечтателей.

А. МАКЕЕВ,
собр. корр. «Советской культуры».

ЮЖНО-САХАЛИНСК.